

РАФАЭЛЬ

САБАТИНИ

*УДАЧИ
КАПИТАНА БЛАДА*

*Книги, изменившие мир.
Писатели, объединившие
поколения.*

Э К С К Л Ю З И В Н А Я К Л А С С И К А

ЭКСКЛЮЗИВНАЯ КЛАССИКА (АСТ)

Рафаэль Сабатини
Удачи капитана Блада

«Издательство АСТ»

1936

УДК 821.111-311.3
ББК 84(4Вел)-44

Сабатини Р.

Удачи капитана Блада / Р. Сабатини — «Издательство АСТ»,
1936 — (Эксклюзивная классика (АСТ))

ISBN 978-5-17-157573-1

Завершающая книга трилогии Рафаэля Сабатини об ирландском враче, по воле случая ставшем знаменитым пиратом. На этот раз Питер Блад приходит на помощь новому губернатору Эспаньолы дону Иларио, сражается с двойником-самозванцем, вызволяет из плена своего верного товарища Натаниэля Хагторпа и спасает юную испанку от ее вероломного возлюбленного. В какой бы ситуации ни оказался отважный капитан, он остается верен себе: готов пойти на любой риск во имя чести и спасения тех, кто попал в беду.

УДК 821.111-311.3

ББК 84(4Вел)-44

ISBN 978-5-17-157573-1

© Сабатини Р., 1936

© Издательство АСТ, 1936

Содержание

Пасть дракона	6
Самозванец	18
Конец ознакомительного фрагмента.	31

Рафаэль Сабатини

Удачи капитана Блада

Rafael Sabatini

THE FORTUNES OF CAPTAIN BLOOD

Серия «Эксклюзивная классика»

Перевод с английского В. Тирдатова

Серийное оформление А. Фереза, Е. Ферез

© Перевод. В. Тирдатов, наследники, 2022

© ООО «Издательство АСТ», 2023

* * *

Пасть дракона

I

Великолепный фрегат, носящий имя «Сан-Фелипе»¹, в котором сочетались благочестие и верноподданность, отличался удивительной четкостью и красотой линий и богатством внутренней отделки, что было присуще большинству судов, соорудившихся на верфях Испании.

Просторная каюта, полная солнечного света, который лился сквозь кормовые иллюминаторы, открытые над пенящейся в кильватере водой, радовала глаз роскошной резной мебелью, зеленым бархатом драпировок и позолотой украшенных орнаментом панелей.

Питер Блад, теперешний владелец фрегата, временно вернувшийся к своей первоначальной профессии хирурга, склонился над испанцем, лежащим на кушетке. Его точеные сильные руки уверенными движениями меняли повязку на сломанном бедре испанца. Наложив пластырь, держащий лубок, Блад выпрямился и кивком отпустил негра-стюарда, присутствовавшего при операции.

– Все в порядке, дон Иларио, – заговорил он на безупречном испанском языке. – Теперь я даю вам слово, что вы снова сможете ходить на двух ногах.

Слабая улыбка мелькнула на измученном лице пациента Блада, озарив его аристократические черты.

– За это чудо, – сказал он, – я должен благодарить Бога и вас.

– Здесь нет никакого чуда – просто хирургия.

– Значит, вы хирург? Это уже само по себе чудо. Вряд ли мне поверят, если я кому-то расскажу, что меня вылечил капитан Блад.

Капитан, высокий и гибкий, аккуратно спустил рукава своей батистовой рубашки. Из-под черных бровей ярко-голубые глаза, цвет которых казался особенно удивительным на фоне смуглого, загорелого, ястребиного лица, задумчиво окинули взглядом испанца.

– Врач всегда остается врачом, – объяснил он. – А я, как вы, возможно, слышали, раньше был им.

– К счастью для себя, я убедился в этом на собственном опыте. Но какая странная причина судьбы превратила вас из врача в пирата?

– Мои огорчения начались с того, – улыбнулся капитан Блад, – что я, как и в случае с вами, выполнил свой долг врача и позаботился о раненом человеке, не принимая во внимание то, каким образом он был ранен. Это был один из повстанцев, сражавшихся под знаменами герцога Монмута. А по законам, принятым в христианских странах, человек, оказавший мятежнику медицинскую помощь, сам, в свою очередь, становится мятежником. Я был пойман на месте преступления, перевязывая ему рану, и за это был приговорен к смерти. Но приговор изменили – отнюдь не из милосердия, а потому что на плантациях требовались рабы. Вместе с другими несчастными меня перевезли через океан и продали в рабство на Барбадос. Мне удалось бежать, и с тех пор вместо доктора Блада появился капитан Блад. Но в теле корсара еще не погиб дух врача, как вы сами могли убедиться, дон Иларио.

– К моему величайшему счастью и глубокой признательности к вам. И дух врача продолжает заниматься милосердными поступками, которые однажды оказались для него пагубными?

– Увы! – Живые глаза капитана изучающе оглядели испанца, заметив румянец, появившийся на его бледных щеках, и странное выражение взгляда.

¹ «Сан-Фелипе» как бы посвящен одновременно и святому Филиппу и королю Испании Филиппу III.

– Вы не боитесь, что история может повториться?

– Я вообще ничего не боюсь, – сказал капитан Блад, протягивая руку за своим черным, отделанным серебром камзолом. Расправив брабантские кружевные манжеты, он тряхнул локонами черного парика и выпрямился, являя собой воплощение мужества и элегантности, более уместное в галереях Эскориала, нежели на квартердеке пиратского корабля.

– Теперь отдыхайте. Постарайтесь поспать до восьми склянок. Хотя никаких признаков жара у вас нет, все же я предписываю вам полный покой. Когда пробьет восемь склянок, я вернусь.

Пациент, однако, не намеревался пребывать в состоянии полного покоя.

– Дон Педро... Прежде чем вы уйдете... Я поставлен в крайне неловкое положение. Будучи столь обязанным вам, я не считаю себя вправе лгать. Я обманывал вас.

На тонких губах Блада мелькнула ироническая улыбка.

– Мне самому тоже немало приходилось обманывать многих.

– Но здесь есть разница. Моя честь восстает против этого. – И глядя прямо в глаза капитану, дон Иларио продолжал: – Вы знаете меня только как одного из четырех потерпевших кораблекрушение испанцев, которых вы сняли с рифов Сент-Винсента и великодушно обещали высадить в Сан-Доминго. Но долг велит мне сообщить вам всю правду.

Слова испанца, казалось, забавляли Блада.

– Сомневаюсь, чтобы вы смогли добавить что-либо, неизвестное мне. Вы дон Иларио де Сааведра, назначенный королем Испании новым губернатором Эспаньолы. До того как шторм потопил ваш корабль, он входил в эскадру маркиза Риконете, совместно с которым вы намеревались уничтожить проклятого пирата и флибустьера, врага Господа Бога и Испании по имени Питер Блад.

На лице дона Иларио отразилось глубочайшее удивление и изумление.

– Virgin Santissima!² Вы знаете это?

– С благодарумием, заслуживающим всяческой похвалы, вы положили ваш патент в карман, когда ваш корабль пошел ко дну. С не менее похвальным благодарумием я обыскал ваш костюм вскоре после того, как принял вас на борт. В нашей профессии не приходится быть разборчивым.

Но это простое объяснение еще более удивило испанца.

– И, несмотря на это, вы не только лечите меня, но и в самом деле везете в Сан-Доминго! – Выражение его лица внезапно изменилось. – Ага, понимаю. Вы рассчитываете на мою признательность...

– Признательность? – прервал его капитан Блад и рассмеялся. – Это последнее чувство, на которое я стал бы рассчитывать. Я вообще, сеньор, рассчитываю только на себя. Как я уже сказал вам, я ничего не боюсь. Ваша благодарность относится к врачу, а не к пирату, поэтому на нее не приходится особенно надеяться. Не тревожьте себя проблемой выбора между долгом перед вашим королем и мной. Я предупрежден, и этого для меня достаточно. Спите спокойно, дон Иларио.

И Блад удалился, оставив испанца окончательно сбитым с толку.

Выйдя на шкафут, где слонялось без дела несколько десятков пиратов, он заметил, что небо уже не так чисто и безоблачно, как раньше.

Погода вообще стала неустойчивой после урагана, разразившегося десять дней назад и забросившего дона Иларио с его тремя попутчиками на скалистый островок, откуда они были взяты на борт «Сан-Фелипе». В результате постоянно сменяющихся друг друга штормов и штилей фрегат все еще находился в двадцати милях от Саоны³. Корабль еле-еле полз по ярко-

² Пресвятая Дева! (лат.)

³ Саона – островок у юго-восточной оконечности Гаити.

фиолетовым, точно смазанным маслом, волнам; паруса его то надувались, то повисали. Видневшиеся невдалеке по правому борту гористые берега Эспаньолы сейчас растаяли в туманной дымке.

– Надвигается очередной шквал, капитан, – сказал Бладу стоящий на корме штурман Чеффинч. – Я начинаю сомневаться, что мы вообще когда-нибудь доберемся до Сан-Доминго. Мы взяли на борт Иону⁴.

Чеффинч не обманулся в своих предположениях. В полдень с запада подул сильный ветер, вскоре перешедший в шторм. Никто из команды не сомневался, что раньше полуночи им не добраться до Сан-Доминго. Под потоками дождя, раскатами грома, захлестывающими палубу волнами «Сан-Фелипе» боролся с бурей, отбросившей его к северо-западу. Шторм терзал корабль до рассвета; лишь после восхода солнца море относительно успокоилось, и фрегат получил возможность потихоньку зализывать раны. Кормовые поручни и вертлюжные пушки снесло за борт; ветер сорвал с утлегаря одну из лодок, и ее обломки запутались в носовых цепях.

Однако наибольшей неприятностью была треснувшая грот-мачта, которая стала не только бесполезной, а даже угрожающей целости фрегата. В то же время шторм продвинул их ближе к цели. Меньше чем в пяти милях к северу находился Эль-Росарио, за которым лежал Сан-Доминго. В водах этой испанской гавани, под дулами пушек форта, дон Иларио ради собственной безопасности был вынужден давать Бладу необходимые указания.

Ранним утром потрепанный бурей корабль с едва колеблемыми легким ветерком парусами на фок-и бизань-мачтах и без единого клочка материи, за исключением кастильского флага на грот-мачте, проплыл мимо созданного природой мола, постепенно размываемого приливами Осамы, и сквозь узкий пролив, известный под названием Пасть Дракона, проник в гавань Сан-Доминго.

Пройдя восемь саженей вдоль берега, который образовался, как и мол, в результате скопления кораллов, принявшего форму островка менее четверти мили шириной и около мили длиной с небольшой грядой посередине, где росло несколько пальм, «Сан-Фелипе» бросил якорь и приветствовал пушечным салютом, прогремевшим на всю гавань, Сан-Доминго – один из самых красивых городов Новой Испании.

Казавшийся ослепительно белым на фоне обрамлявших его изумрудно-зеленых саванн, город изобиловал площадями, дворцами и церквями, словно перевезенными из Кастилии и увенчанными шпилем собора, где хранились останки Колумба. На белом молу началась суета, и вскоре к «Сан-Фелипе» направилась позолоченная двадцативесельная барка, сопровождаемая несколькими лодками, над которой развевался красно-желтый флаг Испании.

Под красным, окаймленным золотом навесом сидел полный смуглый сеньор в светло-коричневом костюме из тафты и в широкополой шляпе с пером.

Тяжело дыша и обливаясь потом, он вскарабкался по забортному трапу на шкафут «Сан-Фелипе».

Здесь его ожидали капитан Блад в черном, отделанном серебром костюме и беспомощно лежащий на койке дон Иларио, которого вынесли из каюты, а также три других испанца, стоящие вокруг него. За ними выстроилась шеренга корсаров, облаченных в шлемы и латы и вооруженных мушкетами испанских пехотинцев.

Но дона Клементе Педросо, отставного губернатора, место которого должен был занять дон Иларио, этот маскарад не обманул. Год назад неподалеку от Пуэрто-Рико на палубе галиона, взятого на абордаж капитаном Бладом, Педросо находился лицом к лицу с прославленным флибустьером, а забыть Блада было вовсе не так легко. Дон Клементе остановился как

⁴ Подразумевается библейский пророк Иона, которого за попытку проповеди на корабле моряки выбросили в море, потом его проглотил кит, но Бог услышал горячую мольбу Ионы, пророк был извергнут из чрева кита и благополучно достиг берега.

вкопанный, и его смуглую, похожую на грушу физиономию исказила гримаса бешенства, смешанного со страхом.

Сняв шляпу, капитан Блад вежливо поклонился ему.

– Ваше превосходительство делает мне честь, запомнив меня. Но не думайте, что я плаваю под чужим флагом. – И он указал на испанский флаг, обеспечивший «Сан-Фелипе» радужную встречу. – Вымпел Испании означает присутствие на борту Иларио де Сааведра, назначенного королем Филиппом новым губернатором Эспаньолы.

Дон Клементе, уставившись на бледное надменное лицо человека на койке, застыл как статуя и не проронил ни звука до тех пор, пока дон Иларио в нескольких словах не обрисовал ему ситуацию, предъявив свой патент, текст которого, несмотря на солидную обработку морской водой, оставался достаточно разборчивым. Дон Иларио и три его спутника добавили, что все дополнительные подтверждения будут даны маркизом Риконете, адмиралом военно-морского флота его католического величества в Карибском море, чья эскадра вскоре должна прибыть в Сан-Доминго.

В мрачном молчании дон Клементе выслушал это сообщение и внимательно изучил предъявленные ему полномочия нового губернатора. После этого он благоразумно постарался скрыть под маской надменного спокойствия ярость, забушевавшую в нем при виде капитана Блада.

И все же дон Клементе явно намеревался поскорее удалиться.

– Моя барка, дон Иларио, к услугам вашего превосходительства. Думаю, что здесь нас ничто более не задерживает.

И он повернулся к трапу, нарочито не замечая капитана Блада и выказывая ему тем самым свое презрение.

– Ничто, – сказал дон Иларио, – кроме выражения благодарности моему спасителю и выдачи ему соответствующего вознаграждения.

Дон Клементе даже не обернулся.

– Естественно, – кисло промолвил он, – нужно обеспечить ему свободный выход из гавани.

– Я бы постыдился такой жалкой и скудной благодарности, – заявил дон Иларио, – особенно учитывая плачевное состояние «Сан-Фелипе». За эту величайшую услугу, которую оказал мне капитан, безусловно, следует разрешить ему запастись здесь дровами, водой, свежей провизией и лодками. Кроме того, необходимо предоставить кораблю убежище в Сан-Доминго для ремонта.

– Для ремонта мне вовсе незачем беспокоить жителей Сан-Доминго, – вмешался капитан Блад, – этого островка вполне достаточно. С вашего разрешения, дон Клементе, я временно вступлю во владение им.

Дон Клементе, кипевший от злобы во время речи дон Иларио, не выдержал и взорвался.

– С моего разрешения? – Его лицо пожелтело. – Благодарение богу и всем святым, я избавлен от этого позора, так как губернатор теперь – дон Иларио.

Сааведра нахмурился.

– Поэтому будьте любезны не забывать этого, – сухо произнес он, – и несколько сбавить тон.

– О, я покорный слуга вашего превосходительства. – И экс-губернатор отвесил дону Иларио иронический поклон. – Конечно, от вас зависит решить, сколько времени этот враг Господа Бога и Испании будет наслаждаться гостеприимством и покровительством его католического величества.

– Столько времени, сколько ему понадобится для ремонта.

– Понятно. А когда ремонт будет окончен, то вы позволите ему беспрепятственно удалиться, чтобы продолжать топить и грабить испанские корабли?

– Я дал капитану слово, – холодно ответил Сааведра, – что ему гарантируют свободный выход и что в течение сорока восьми часов после этого против него не будут предприняты никакие меры, в том числе и погоня.

– Тысяча чертей! Так вы дали ему слово?..

– И это навело меня на мысль, – вежливо прервал его капитан Блад, – взять такое же слово и с вас, друг мой.

Блад произнес эту фразу, движимый не страхом за себя, а беспокойством за великодушного дона Иларио; связав старого и нового губернаторов одинаковыми обязательствами, он лишил бы дона Клементе возможности вредить впоследствии дону Иларио, на что тот был вполне способен.

В бешенстве дон Клементе замахал своими маленькими толстыми руками.

– Взять с меня такое же слово?! – От злобы он едва не задохнулся; его физиономия, казалось, вот-вот лопнет. – Вы думаете, что я стану давать слово грязному пирату? Ах вы!..

– Если вы предпочитаете, я могу заковать вас в кандалы, посадить за решетку и держать вас и дона Иларио на борту, пока не отплыву из гавани.

– Это насилие!

Капитан Блад пожал плечами.

– Можете называть это как угодно. По-моему, это задержка заложников.

Дон Клементе свирепо уставился на него.

– Я протестую! Вы принуждаете меня...

– Здесь нет никакого принуждения. Перед вами свобода выбора. Либо вы дадите мне слово, либо я вас закую в кандалы.

Дон Иларио решил вмешаться.

– Довольно, сеньор! Эта перебранка становится просто невежливой. Вам придется дать слово или отвечать за все последствия.

Таким образом, несмотря на сопротивление дона Клементе, ему волей-неволей пришлось дать требуемое обязательство.

Дон Клементе удалился в состоянии неопишемого бешенства. Напротив, дон Иларио, когда его койку подняли на канаты, чтобы опустить на ожидающую барку, обменялся с капитаном Бладом взаимными комплиментами и благими пожеланиями, которые, как все хорошо понимали, ни в коей мере не помешают дону Иларио ревностно исполнять свой долг после окончания перемирия.

Блад улыбался, глядя на красную барку, которая, рассекая волны, двигалась через гавань по направлению к молу. Несколько маленьких лодок направлялись за ней; другие, нагруженные фруктами, овощами, свежим мясом и рыбой, остались у борта «Сан-Фелипе». Их владельцы ничуть не беспокоились о том, что товары могут быть проданы пиратам.

Волверстон, одноглазый гигант, бежавший с Бладом с Барбадоса и бывший одним из его ближайших друзей, склонился над фальшбортом рядом с капитаном.

– Надеюсь, Питер, ты не будешь чересчур полагаться на слово этого толстомясого губернатора?

– Нельзя быть таким подозрительным, Нед. Если человек дал слово, то сомневаться в его честности – оскорбительно. И все же, на всякий случай, мы избавим дона Клементе от искушения, занявшись ремонтом здесь, на этом островке.

II

К ремонту приступили сразу же, вкладывая в это занятие все умение и опыт. Прежде всего корсары изготовили мостики, связывающие корабль с островком, и выгрузили на это сооружение из кораллов и песка двадцать четыре пушки «Сан-Фелипе», установив их так,

чтобы они держали под прицелом гавань. Сделав тент из парусины и используя в качестве материала для шестов срубленные пальмы, пираты поставили там кузнечный горн и, вынув мачту из степса, вытащили ее на берег для починки. Плотники на борту корабля занимались другими поломками, в то время как партия флибустьеров в трех лодках, предоставленных доном Иларио, ездили на берег за дровами и пищей.

Все эти приобретения оплачивались капитаном Бладом с присущей ему скрупулезностью.

Два дня они работали не переставая. Но на третье утро поднялась тревога, причем пришла она не из гавани или города, а с моря.

Сошедший на островок с восходом солнца капитан Блад воочию наблюдал приближающуюся опасность. Рядом с ним стояли Волверстон, Чейффинч, Хагторп – джентльмен из Западной Англии, разделявший их приключения, – и Огл, служивший ранее канониром в королевском военно-морском флоте.

Менее чем в миле от них находилась эскадра из пяти великолепных кораблей, украшенных флагами и вымпелами и идущих под парусами, раздуваемыми легким утренним ветром. Внезапно с боку переднего галиона расцвело белое облако дыма, похожее на цветную капусту, и послышался гул салюта, целью которого было пробудить город от спячки.

– Красивое зрелище, – заметил Чейффинч.

– Да, для поэта или шкипера торгового судна, – согласился Блад. – Но сейчас я, увы, не тот и не другой. Думаю, что это эскадра адмирала испанского военно-морского флота в Карибском море – маркиза Риконете.

– Который не давал слова оставить нас в покое, – мрачно напомнил Волверстон.

– Надо постараться выяснить его намерения, прежде чем позволить ему пройти через Пасть Дракона. – Блад повернулся на каблуках и, сложив руки рупором, отдал распоряжение двум-трем десяткам пиратов, стоявших сзади около пушек и также наблюдавших за эскадрой.

Тотчас же корсары втащили два кормовых орудия с «Сан-Фелипе» на вершину гряды в центре островка. Эти пушки били на расстояние полных полутора миль. По сигналу Блада Огл послал тридцатифунтовое ядро на три четверти мили в сторону от приближающегося переднего корабля эскадры.

Каково бы ни было удивление маркиза Риконете при этом громе среди ясного неба, он все же предпочел выполнить приказ. Штурвальный положил руль влево, и флагманский корабль лег в дрейф с безжизненно повисшими парусами. Над освещенной солнцем водой послышался слабый звук трубы, и четыре других корабля проделали тот же маневр. Затем с флагмана спустили шлюпку, которая быстро поплыла к рифу, чтобы выяснить причину неожиданного препятствия.

Питер Блад и Чейффинч с пятью корсарами направились к берегу. Волверстон и Хагторп заняли позицию с другой стороны гряды, чтобы наблюдать за гаванью и молотом.

Элегантный молодой офицер сошел на берег, чтобы по распоряжению адмирала узнать причину зловещего приветствия, которым их встретили. Объяснения тотчас были даны.

– Я ремонтирую здесь мой корабль с разрешения дон-а Иларио де Сааведра, данного мне в благодарность за маленькую услугу, которую я имел честь оказать ему, когда он недавно потерпел кораблекрушение. Прежде чем позволить вашей эскадре войти в эту гавань, я должен получить от адмирала подтверждение санкции дон-а Иларио и взять с него слово, что он позволит мне беспрепятственно закончить ремонт.

– Что за странное требование, сеньор? – с негодованием осведомился офицер. – Кто вы такой?

– Мое имя Блад, капитан Блад, к вашим услугам.

– Капитан... капитан Блад?! – Глаза молодого человека расширились. – Вы капитан Блад? – Внезапно он рассмеялся. – И у вас хватает наглости думать, что...

– Наглость здесь ни при чем, – прервал его капитан. – А что касается моих намерений, то я прошу вас пройти со мной, чтобы избавиться от лишней дискуссии. – И он направился на вершину гряды; испанец угрюмо последовал за ним. Поднявшись на вершину, Блад остановился. – Вы, конечно, собирались предложить мне молиться за мою душу, потому что пушки вашей эскадры сметут меня с этого острова. Но будьте любезны взглянуть.

Своей длинной эбеновой тростью он указал вниз, где пестрое пиратское воинство суе-тилось около пушек. Шесть орудий были повернуты так, чтобы держать под обстрелом Пасть Дракона. Со стороны моря батарею надежно защищала от обстрела гряда.

– Вы, разумеется, понимаете цель этих мероприятий, – продолжал капитан Блад. – Должно быть, вы слышали, что мои канониры не знают промаха. Если нет, то я могу без хвастовства это утверждать. У вас, безусловно, хватит сообразительности понять, что любой из ваших кораблей затонет, прежде чем доберется до островка. – И он учтиво поклонился. – Передайте вашему адмиралу мои наилучшие пожелания, информируйте его о том, что вы здесь видели, и заверьте его от моего имени, что он сможет войти в гавань Сан-Доминго, как только даст мне соответствующие гарантии, но ни минутой раньше. Чеффинч, проводи сеньора к его шлюпке.

Однако испанец в своем гневе был не в состоянии оценить подобную вежливость. Пробормотав несколько кастильских выражений, сочетающих обращение к небесам со сквернословием, он удалился, не попрощавшись и пребывая в самом дурном настроении. Очевидно, либо его доклад был не совсем точен, либо адмирал не принадлежал к людям, которых можно легко убедить, ибо час спустя в гряде угодило первое ядро и утренний воздух огласился грохотом пушек эскадры. Канонада обеспокоила чаек, которые начали тревожно кружить над островом, издавая крики. В отличие от чаек, спокойствие корсаров не было нарушено, так как их надежно защищал от шквала огня естественный бастион гряды.

Воспользовавшись краткой передышкой, Огл пробрался к пушкам, установленным так, что над грядой виднелись только их стволы. Испанские корабли, выстроившись в линию для удобства бомбардировки, представляли собой цель, которой никак не следовало пренебрегать. Огл выпалил из незамеченной испанцами пушки, и тридцатифунтовое ядро врезалось в фальшборт одного из галионов. Этим маркизу дали понять, что его пальба не останется без наказания.

Послышался рев труб, и эскадра поспешно сделала поворот оверштаг, двигаясь против свежего ветра. Чтобы ускорить этот процесс, Огл выстрелил из второй пушки. Особого вреда этот выстрел не причинил, но оказал должный эффект в моральном отношении. На всякий случай Огл перезарядил пушки во время панического бегства противника.

Весь день испанцы оставались в дрейфе в полутора милях от островка, где они считали себя вне досягаемости корсарских орудий. Воспользовавшись этим, Блад приказал подтащить к гряде шесть пушек и соорудить наносной бруствер, срубив для этого половину пальм на острове. Пока большая часть пиратов, одетых только в широкие кожаные штаны, проделывала эту работу, остальные под руководством плотника спокойно возобновили ремонт. В кузнечном горне развели огонь, и наковальни зазвенели, как колокола, под ударами молотов.

Вечером к месту этой героической деятельности прибыл дон Клементе Педросо, еще более желтолицый, чем обычно, и настроенный крайне воинственно. Поднявшись на гряду, где капитан Блад с помощью Огла все еще руководил сооружением бруствера, его превосходительство свирепо осведомился, когда корсары намереваются окончить этот фарс.

– Если вы считаете, что выдвинули на обсуждение сложную проблему, – ответил капитан Блад, – то вы ошибаетесь. Это кончится тогда, когда адмирал даст слово оставить меня в покое, о чем я его уже просил.

В черных глазах дона Клементе мелькнуло злорадство.

– Вы не знаете маркиза Риконете.

– А маркиз не знает меня, что гораздо важнее. Но я думаю, что мы вскоре познакомимся поближе.

– Вы заблуждаетесь. Адмирал не связан словом, которое дал вам дон Иларио, и не станет вступать с вами ни в какие соглашения.

Блад рассмеялся ему в лицо.

– В таком случае ему придется торчать там, где он находится, до тех пор, пока у них в бочонках не останется ни капли воды. Тогда он будет вынужден либо умереть от жажды, либо уйти в другое место в поисках воды. А может быть, и не понадобится ждать так долго. Обратите внимание, что южный ветер все свежеет. Если он подует всерьез, то вашему маркизу придется отсюда убираться.

Дон Клементе истратил изрядное количество энергии на богохульства, которые только позабавили капитана Блада.

– Я знаю, как вы страдаете. Вы ведь уже рассчитывали, что увидите меня повешенным.

– Вряд ли какое-нибудь другое зрелище доставило бы мне больше радости.

– Увы! Боюсь, что я разочарую ваше превосходительство. Вы останетесь поужинать у меня на корабле?

– Я не ужинаю с пиратами, милостивый государь!

– Тогда можете идти ужинать с дьяволом, – резюмировал капитан Блад. И дон Клементе в состоянии глубочайшего возмущения прошествовал на коротких толстых ногах к своей барке.

Волверстон внимательно наблюдал за его отбытием.

– Черт возьми, Питер, было бы благоразумнее задержать этого испанского джентльмена. Данное слово связывает его не больше, чем паутина. Вероломный пес ни перед чем не остановится, чтобы напакостить нам, несмотря на все свои обещания.

– Ты забыл о доне Иларио.

– Думаю, что дон Клементе также может забыть о нем.

– Мы будем бдительны, – заверил его Блад.

Эту ночь пираты, как обычно, провели у себя на борту, но они оставили на острове канониров и посадили наблюдателей в лодку, ставшую на якорь в Пасти Дракона на случай, если адмирал предпримет попытку тайком проскользнуть в пролив. Но так как, не говоря уже о другом риске, ночь была ясная, то испанцы не отважились на такую попытку.

Весь следующий день – воскресенье – дело не сдвинулось с мертвой точки. Но в понедельник утром доведенный до белого каления адмирал вновь начал забрасывать остров ядрами и дерзко форсировать пролив.

Батарея Огла не получила повреждений, потому что адмирал не знал ни ее расположения, ни мощи. Огл понял это, когда противник оказался в полумиле от островка. Тогда четыре корсарские пушки ударили по флагману. Два ядра не достигли цели, но третьи вдребезги разнесло полубак, а четвертое угодило в наиболее уязвимое место и образовало пробоину, в которую сразу же хлынула вода. Остальные три корабля поспешно сделали поворот фордевинд и взяли курс на восток. Накренившийся, покалеченный галион, шатаясь, тащился вслед за ними; команда в отчаянной спешке выбрасывала за борт пушки и другие тяжелые предметы, стремясь поднять пробоину в борту над водой.

Несмотря на эту неудачу, к вечеру испанцы предприняли новую попытку штурма и опять были отброшены на исходные позиции в полутора милях от островка. Они находились там и двадцать четыре часа спустя, когда из Сан-Доминго вышла лодка с письмом от дона Иларио, в котором новый губернатор требовал, чтобы маркиз Риконете согласился на условия, выдвинутые капитаном Бладом.

Лодке пришлось бороться с разбушевавшимся морем и приложить немало усилий, чтобы пробраться сквозь непроницаемую тьму, так как небо заволокло тучами. Ухудшение погоды

вкупе с письмом дон Иларио наконец побудило маркиза уступить, так как дальнейшее упорство могло повлечь за собой только новые унижения.

Поэтому офицер, уже однажды нанесший визит капитану Бладу, снова прибыл на остров у входа в гавань, доставив письмо, извещающее о согласии адмирала на требуемые условия, в результате чего испанским кораблям в тот же вечер было позволено укрыться в гавани от надвигающегося шторма. Беспрепятственно пройдя через Пасть Дракона, они бросили якорь у берега Сан-Доминго.

III

Тяжкие раны, нанесенные самолюбию маркиза Риконете, не давали ему покоя, и в тот же вечер в губернаторском дворце разгорелась жаркая дискуссия. Адмирал утверждал, что обязательство, данное под угрозой, ни к чему их не обязывает; дон Клементе полностью его поддерживал. Напротив, рыцарственный дон Иларио твердо настаивал на том, что слово надо держать.

Мнение Волверстона о совести испанцев ни в коей мере не изменилось к лучшему, и он продолжал выражать свое презрение к доверчивости Блада. Предохранительные меры, состоявшие в новом размещении пушек (только шесть орудий продолжали контролировать Пасть Дракона, остальные держали под обстрелом гавань), он считал явно недостаточными. Но лишь через три дня – в пятницу утром, когда они уже отремонтировали мачту и были почти готовы к выходу в море, его единственный глаз заметил тревожные признаки, о которых он поспешил сообщить капитану Бладу, стоящему на полуострове «Сан-Фелипе».

– Обрати внимание, что уже больше получаса между испанской эскадрой и молом все время снуют лодки. Причем к молу они направляются переполненными, а назад возвращаются пустыми. Ты догадываешься, что это значит?

– В этом нет ничего сложного, – ответил Блад. – Команды сходят на берег.

– Так я и предполагал, – сказал Волверстон. – Но, может быть, ты объяснишь мне, с какой целью они это проделывают? То, что не имеет смысла, обычно грозит опасностью. Было бы неплохо к вечеру выставить на остров вооруженных часовых.

Облачко, мелькнувшее на челе Блада, свидетельствовало о том, что его лейтенанту удалось пробудить в нем подозрения.

– Действительно, это чрезвычайно странно. И все же... Нет, я не верю, что дон Иларио способен на предательство.

– Я думаю не о доне Иларио, а об этом разжиревшем грубияне доне Клементе. Это не тот человек, которому данное слово может помешать удовлетворить свою злобу. А Риконете, по-видимому, мало чем от него отличается.

– Но у власти сейчас дон Иларио.

– Возможно. Но сломанная нога вывела его из строя, и эта парочка может легко с ним справиться, зная, что король Филипп⁵ охотно простит их впоследствии.

– Но если они решили нарушить перемирие, зачем же ссаживать команду на берег?

– Вот я и рассчитывал, что ты, Питер, об этом догадаешься.

– Сидя здесь, я ни о чем не догадываюсь. Попробую разобраться во всем на месте.

К борту корабля только что подошла барка, груженная овощами. Капитан Блад склонился над перилами.

– Эй, ты! – крикнул он торговцу. – Принеси-ка бататы на борт.

Сделав знак рукой стоявшим на шкафуте пиратам, Блад отдал им краткие распоряжения, пока торговец карабкался по трапу, держа на голове корзину с бататами. Его пригласили в

⁵ Король Филипп – ошибка автора: в описываемое время королем Испании был Карл II.

капитанскую каюту; ничего не подозревающий торговец принял приглашение, после чего он на весь день исчез из поля зрения. Его помощника-мулата, оставшегося в барке, также заманили на борт и присоединили к хозяину, запертому в трюме. Вслед за этим загорелый босоногий субъект в грязной рубаше, широких ситцевых брюках и с забинтованной головой спустился в барку и направил ее в сторону испанских кораблей, провожаемый беспокойными взглядами с корсарского фрегата.

Причалив к борту флагмана, торговец начал громогласно рекламировать свой товар, но это не дало никакого результата. Гробовое молчание на корабле казалось весьма многозначительным. Наконец на палубе послышались шаги, и часовой в шлеме, перегнувшись через фальшборт, приказал торговцу убираться к дьяволу со своими фруктами.

– Если бы ты не был таким дураком, то давно бы понял, что на борту никого нет, – добавил он весьма неосторожную, хотя и уже излишнюю информацию.

Замысловато выругавшись в ответ, торговец направил барку к молу, вылез на берег и зашел подкрепиться в придорожную таверну, битком набитую испанцами с адмиральской эскадры. Держа в руке кружку с вином, он незаметно затесался в группу испанских моряков, жалуясь на близкое соседство пиратов и злобно критикуя адмирала за то, что он позволил корсарам остаться на островке у входа в гавань вместо того, чтобы вышвырнуть их вон.

Беглая испанская речь торговца не вызвала ни у кого подозрений, а его горячая ненависть к пиратам сразу же завоевала ему симпатии.

– Адмирал здесь ни при чем, – заверил его старшина. – Он бы и разговаривать не стал с этими собаками. Во всем виноват этот рохля – губернатор Эспаньолы. Он разрешил ремонтировать им здесь свой корабль.

– Если бы я был адмиралом Кастилии, – заявил торговец, – то, клянусь Пресвятой Девой, я бы действовал на свой страх и риск.

Раздался дружный хохот, и толстый испанец хлопнул торговца по спине.

– Адмирал того же мнения, приятель.

– Несмотря на нерешительность губернатора, – подхватил другой моряк.

– Потому-то мы и торчим на берегу, – закончил третий.

Собрав отдельные фразы в единое целое, торговец получил полную картину ночного нападения на корсаров.

Испанцам так пришлось по душе собеседник, что прошло немало времени, прежде чем он выбрался из таверны и возобновил торговлю. Когда же он наконец причалил к борту «Сан-Фелипе», то его барка тащила на буксире другую, весьма вместительную. Быстро вскарабкавшись по трапу, он увидел Волверстона, который облегченно вздохнул и сердито посмотрел на него.

– Какого черта тебе понадобилось на берегу, Питер? Ты слишком часто суешь голову в петлю.

– Результат стоил риска, который, кстати, был не так уж велик, – улыбнулся капитан Блад. – Я убедился в справедливости своего доверия к дону Иларио. Только благодаря тому, что он человек слова, нам не перережут глотки сегодня ночью. Если бы он дал согласие нанять людей из гарнизона, как того желал дон Клементе, мы бы ничего не узнали до тех пор, пока бы не было слишком поздно. Но так как он отказал, дон Клементе заключил союз с таким же лживым негодяем, как он сам, – с маркизом Риконете. И они вдвоем составили ловкий план тайком от дона Иларио. Поэтому маркиз и вызвал свои команды на берег, чтобы держать их наготове.

Они намерены проплыть в лодках через западный пролив, высадиться на незащищенный юго-западный берег островка, а затем втихомолку пролезть на борт «Сан-Фелипе» и перерезать нам глотки, пока мы спим. Этим займутся по крайней мере четыреста человек – практически каждый маменькин сынок с эскадры. Адмирал хочет обеспечить себе значительный перевес.

– А нас здесь всего восемьдесят ребят! – Волверстон бешено вращал единственным глазом. – Но мы предупреждены. Мы можем повернуть пушки и разнести их вдребезги.

Блад покачал головой.

– Этого нельзя сделать незаметно. А если они увидят, как мы двигаем пушки, то поймут, что мы что-то пронюхали, и изменят планы, что меня ни в коей мере не устраивает.

– Не устраивает? Интересно, что же тогда тебя устраивает?

– Если я разглядел ловушку, то наиболее логично использовать ее против самого ловца. Ты заметил, что я привел вторую барку? По сорок человек можно спрятать на дне каждой барки; остальные могут плыть в четырех лодках, которыми мы располагаем.

– Плыть? Куда плыть? Ты намерен удирать, Питер?

– Да, но не дальше, чем того требует мой замысел.

Блад четко продумал свой план. До полуночи оставался только один час, когда он погрузил в лодки своих людей. И даже после этого они не спешили отчаливать. Капитан ждал до тех пор, пока тишину ночи не нарушил отдаленный скрип уключин, означающий, что испанцы двинулись по узкому проливу к западному берегу островка. Тогда наконец Блад дал сигнал к отплытию, и «Сан-Фелипе» был оставлен врагу, готовящемуся захватить его под покровом ночи.

Час спустя испанцы высадились на островок. Одни поспешили завладеть пушками, другие двинулись к трапам. Испанцы хранили гробовое молчание, пока не очутились на борту «Сан-Фелипе», где они начали громкими возгласами подбадривать друг друга. К их удивлению, шум не разбудил этих пиратских собак, которые оказались настолько доверчивыми, что даже не выставили часовых.

Полное отсутствие признаков жизни на захваченном корабле сбило испанцев с толку. Внезапно темноту ночи разорвали языки пламени со стороны гавани, и бортовой залп двадцати пушек обрушился на «Сан-Фелипе».

Оглашая воздух проклятиями, перепуганные испанцы бросились прочь с корабля, который начал тонуть. Охваченные безумной паникой перед этой непонятной атакой, они устроили драку около мостиков, стремясь как можно скорее очутиться в относительной безопасности на островке и даже не думая о том, кем был произведен этот смертоносный залп.

Маркиз Риконете, высокий тощий человек, изо всех сил старался восстановить порядок.

– Прекратите это безобразие, вы, собаки!

Его офицеры бросились в толпу и с помощью ударов и брани в какой-то мере привели матросов в чувство. К тому времени, как «Сан-Фелипе» погрузился на восемь саженей, испанцы, высадившиеся на берег и наконец очнувшиеся, стояли наготове, ожидая дальнейших событий. Но чего именно ожидать, не знали ни они, ни маркиз, который в бешенстве громко требовал у неба и ада объяснения происходящего.

Вскоре его требования были удовлетворены. В ночной тьме показались неясные очертания огромного корабля, который медленно двигался по направлению к Пасти Дракона. Плеск весел свидетельствовал о том, что судно верповали из гавани, а слышавшийся вскоре скрип блоков – о том, что на нем поднимают паруса.

Вглядывавшиеся в темноту маркиз и дон Клементе сразу же все поняли. Пока они повели моряков эскадры захватывать корабль, на котором, как они думали, находились все корсары, последние, в свою очередь, захватили судно адмирала, предварительно выяснив, что на нем никого нет, и обратили его пушки против испанцев на «Сан-Фелипе». И теперь эти проклятые пираты на великолепном флагманском корабле «Мария Глориоса» вышли в море под самым носом адмирала.

Адмирал и экс-губернатор мерзко сквернословили до тех пор, пока дон Клементе внезапно не вспомнил о пушках, которые держали под обстрелом пролив и которые Блад оставил, несомненно, заряженными, так как эти орудия в бою не участвовали. Педросо немедленно

сообщил адмиралу о том, что он еще в состоянии побить пиратов их же оружием. Это известие сразу же вдохнуло в маркиза энтузиазм.

– Клянусь, – завопил он, – что эти собаки не уйдут из Сан-Доминго, даже если мне придется потопить свой собственный корабль! Немедленно к пушкам!

Адмирал в сопровождении сотни испанцев, спотыкаясь, побежал к батарее. Они добрались до нее как раз в тот момент, когда «Мария Глориоса» входила в Пасть Дракона. Меньше чем через пять минут она должна была оказаться в пределах досягаемости пушек. Шесть орудий стояли наготове заряженными; промахнуться на таком близком расстоянии было невозможно.

– Канонир, – рявкнул маркиз. – Немедленно отправь в ад этого проклятого пирата.

Канонир тотчас взялся за дело. Сзади блеснул свет – испанцы из рук в руки передавали потайной фонарь. С помощью фонаря канонир зажег запальный шнур и перешел к следующей пушке.

– Подожди, – приказал маркиз. – Подожди, пока корабль не окажется на линии прицела.

Но при свете фонаря канонир сразу же понял, что из этого не выйдет ничего хорошего. С проклятием он подбежал к следующей пушке, осветил фонарем ее запальное отверстие и тут же побежал дальше. Так канонир перебегал от одного орудия к другому, пока не добрался до последнего. После этого он двинулся в обратную сторону с фонарем в одной руке и с брызжущим огнем запалом в другой, шагая так медленно, что маркиз пришел в бешенство.

– Скорее, болван! Стреляй! – взревел он.

– Взгляните сами, ваше превосходительство. – Канонир осветил фонарем запальное отверстие ближайшей пушки. – Забито ершом, то же самое и в других пушках.

Адмирал излил свой гнев в таких колоритных выражениях, которые могут прийти на ум только испанцу.

– Он ни о чем не забыл, этот проклятый пиратский пес!

Мушкетная пуля, метко пущенная с фальшборта каким-то корсаром, разбила фонарь вдребезги. Вслед за этим взрыв сатанинского хохота донесся с палубы «Марии Глориосы», которая шла через Пасть Дракона, направляясь в открытое море.

Самозванец

I

Быстрота, как известно, во все времена являлась одним из решающих факторов успеха в военных действиях на суше и на море. Это хорошо усвоил капитан Блад, большинство операций которого были так же внезапны, как нападение ястреба на добычу.

Находясь в зените славы, Блад действовал настолько мобильно, что испанцы искренне верили в его контакты с сатаной, утверждая, что только человек, продавший душу дьяволу, может так побеждать время.

Искренне забавляясь доходившими до него слухами о сверхъестественном могуществе, которым наделяли его суеверные испанцы, Блад старался по возможности обращать эти слухи себе на пользу, внушая еще больший страх своим врагам. Но когда вскоре после захвата в Сан-Доминго «Марии Глориосы» – мощного флагманского корабля эскадры адмирала испанского военно-морского флота в Карибском море маркиза Риконете – капитан услышал обстоятельный рассказ о том, как он на следующее утро после выхода из Сан-Доминго напал на Картахену, находящуюся на расстоянии двухсот миль, это навело его на мысль, что одна-две фантастические истории о его похождениях, дошедшие до него за последнее время, могли иметь более существенное основание, нежели простое суеверие.

В придорожной таверне в Кристианстаде, на острове Сент-Круа⁶, куда «Мария Глориоса» (кошунственно переименованная в «Андалузскую девчонку») зашла за дровами и водой, Блад случайно услышал повествование об ужасах, которые вытворяли он и его команда во время рейда на Картахену.

Блад забрел в эту таверну, разгуливая по городу без определенной цели, что было одной из его излюбленных привычек. В таких прибежищах моряков со всего света всегда можно было почерпнуть полезные сведения. Ему не в первый раз случалось обзаводиться информацией о самом себе, однако никогда еще она не носила такого необычного характера.

Рассказчиком был крупный рыжеволосый и краснолицый голландец, владелец торгового судна с берегов Шельды, по имени Клаус, со смаком описывающий грабежи, насилия, избияния, а также убийство двух городских коммерсантов – членов французской Вест-Индской компании.

Блад без приглашения затесался в эту группу, намереваясь узнать побольше. Его присутствие было встречено с радушием, вызванным как элегантностью костюма, так и спокойной, властной манерой держаться.

– Мое почтение, господа. – По-французски капитан Блад говорил не так бегло, как по-испански, чему способствовали два года, проведенные в тюрьме сеvilьской инквизиции, но все же достаточно уверенно. Без лишних церемоний усевшись на табуретку, он постучал по грязному сосновому столу, подзывая трактирщика.

– Когда, вы сказали, это произошло?

– Десять дней назад, – ответил голландец.

– Не может быть. – Блад покачал головой, тряхнув локонами парика. – Я точно знаю, что десять дней назад капитан Блад был в Сан-Доминго. Кроме того, вряд ли он мог поступать так злодейски, как вы описывали.

⁶ *Сент-Круа* (Санта-Крус) – самый южный остров в группе Виргинских островов.

Клаус, неотесанный субъект, чей характер был под стать цвету его волос и физиономии, выслушал опровержение без особого восторга.

– Пираты есть пираты. Все они друг друга стоят. – И, как бы демонстрируя свое отвращение, он плюнул на посыпанный песком пол.

– На эту тему я не стану с вами спорить. Но так как мне точно известно, что десять дней назад капитан Блад был в Сан-Доминго, то, следовательно, он не мог находиться в то же самое время в Картахене.

– Значит, вам точно известно? – ухмыльнулся голландец. – Тогда могу сообщить вам, сударь, что я слышал эту историю в Сан-Хуан-де-Пуэрто-Рико от капитана одного из двух испанских судов, бывших тогда в Картахене. Вы же не можете знать об этом лучше, чем он. Эти два галиона чудом добрались до Сан-Хуана. Проклятый пират погнался за ними, и они никогда не спаслись бы от него, если бы удачный выстрел не повредил фок-мачту корсарского корабля и не заставил его убрать парус.

Но ссылка на очевидца не произвела на Блада впечатления.

– Ба! – воскликнул он. – Испанцы ошиблись – вот и все!

Торговцы недружелюбно взглянули в сторону вновь прибывшего, в голубых глазах которого, ярко блестевших под черными бровями на смуглом лице, светилось холодное презрение. Своевременное появление трактирщика прервало спор, и Блад смягчил растущее раздражение собеседника, предложив голландцу, редко употреблявшему что-либо, кроме рома, распить с ним бутылку превосходного канарского вина.

– Здесь не могло быть ошибки, сударь, – настаивал Клаус. – «Арабеллу», большой красный корабль Блада, нельзя не узнать.

– Если испанский капитан сказал вам, что за ними гналась «Арабелла», то он солгал. Ибо я точно знаю, что «Арабелла» сейчас ремонтируется на Тортуге.

– Вы слишком много знаете, – не без сарказма заметил голландец.

– Я всегда хорошо информирован, – последовал вежливый ответ. – Это приносит много пользы.

– Да, если сведения верные. Но на этот раз вы здорово дали маху. Поверьте, сударь, капитан Блад находится сейчас где-то поблизости.

– В это я охотно верю, – улыбнулся Блад. – Только я не понимаю, почему вы так думаете. Голландец грохнул по столу своим пудовым кулаком.

– Разве я не говорил вам, что где-то неподалеку от Пуэрто-Рико он повредил фок-мачту в бою с этими испанцами? Теперь он, безусловно, стал на ремонт на одном из соседних островов.

– Гораздо более вероятно, что ваши испанцы, панически боясь капитана Блада, готовы видеть «Арабеллу» в каждом корабле, попадающемся им навстречу.

Только вовремя поданное вино помогло голландцу вытерпеть столь упорное недоверие. Когда они выпили, он возобновил разговор об испанских кораблях. По его мнению, они все еще находились в Пуэрто-Рико и не только из-за ремонта, но и потому, что, будучи богато нагруженными и наученными горьким опытом, они вряд ли отважатся выйти в море без конвоя.

Последние сведения всерьез заинтересовали капитана Блада, которому порядком надоело выслушивать описания его вымышленных злодейств в Картахене и сражений с испанскими галионами.

Вечером в салоне «Андалузской девчонки», роскошно отделанном шелком и бархатом, резными позолоченными панелями, сверкавшем хрусталем и серебром, свидетельствовавшими о богатстве испанского адмирала, кому корабль принадлежал до недавних пор, капитан Блад созвал военный совет. Он состоял из одноглазого гиганта Волверстона, Натаниэля Хагторпа – спокойного, добродушного джентльмена из Западной Англии и низенького штурмана Чейффинча. Всех этих людей сослали на каторгу вместе с Бладом за участие в восстании

Монмута. В результате этого совета «Андалузская девчонка» в ту же ночь снялась с якоря и отчалила от Сент-Круа, появившись двумя днями позже у берега Сан-Хуан-де-Пуэрто-Рико.

Глядя в подзорную трубу, Блад внимательно изучал гавань, ища подтверждения рассказу голландца. Среди множества мелких судов он вскоре заметил два больших желтых тридцатипушечных галиона, сильно поврежденные подводные части которых, очевидно, ремонтировались. Следовательно, в этом мейнхеер⁷ Клаус был прав. А это было все, что Блад стремился узнать.

Действовать приходилось крайне осторожно. Кроме того, что гавань защищал весьма солидный форт, гарнизон которого, несомненно, был начеку, учитывая присутствие двух богато нагруженных кораблей, на борту «Андалузской девчонки» находилось не более восьмидесяти человек, поэтому Блад не мог произвести высадку, даже если бы его батарея удалось подавить огонь форта. Решив прибегнуть к хитрости, а не к силе, капитан Блад, спустив шлюпку, рискнул отправиться на берег в разведку.

II

Было невероятно считать, чтобы известие о захвате капитаном Бладом испанского флагманского корабля в Сан-Доминго уже достигло Пуэрто-Рико, поэтому несомненное испанское происхождение «Марии Глориосы» должно было явиться, по крайней мере на некоторый срок, надежной верительной грамотой. Прodelав осмотр в богатом гардеробе маркиза Риконете, Блад вышел одетым в костюм из фиолетовой тафты, лиловые шелковые чулки и великолепную перевязь того же цвета, расшитую серебром. Широкая черная шляпа с алым пером бросала тень на его обветренные аристократические черты лица, обрамленные локонами черного парика.

Высокий, стройный, худошавый, опираясь на трость с золотым набалдашником, Блад стоял перед генерал-губернатором Пуэрто-Рико доном Себастьяном Мендесом и давал ему объяснения на безупречном кастильском наречии.

Большинство испанцев называли Блада дон Педро Сангре, давая буквальный перевод его имени, нередко характеризуя его как *El Diablo Encarnado*⁸. Соединив оба имени, Блад дерзко представился как дон Педро Энкарнадо, посланник адмирала военно-морского флота Испании в Карибском море маркиза Риконете, который не смог прибыть на берег лично, будучи прикованным к постели приступом подагры. Его превосходительство адмирал услышал от капитана голландского судна в Сент-Круа о нападении подлых пиратов на два испанских корабля, шедших из Картахены, которые нашли убежище здесь, в Сан-Хуане. Эти корабли они видели в гавани, но маркиз пожелал получить более точную информацию о случившемся.

Дон Себастьян бурно воспринял это известие. Это был высокий, полный, желтолицый человек с маленькими черными усиками над толстыми, как у африканца, губами, обладавший множеством подбородков, синеватых от бритья.

Генерал-губернатор принял дона Педро со всеми церемониями, приличествующими представителю его королевского величества, и с радушием, с которым один кастильский дворянин встречает другого. Он представил гостя своей изящной, застенчивой и все еще молодой супруге и угостил его обедом, который был подан в прохладном внутреннем дворе под тенью виноградных шпалер и сервирован неграми-рабами в ливреях под руководством чопорного мажордома-испанца.

За столом волнение, пробужденное в доне Себастьяне вопросами его гостя, разгорелось с новой силой. Было истинной правдой, что корабли, груженные ценностями, атаковали фли-

⁷ Господин (*голл.*).

⁸ Дьявол во плоти (*исп.*).

бустьеры, те же самые *hijos de puta*⁹, которые недавно превратили Картахену в ад кромешный. Свой рассказ генерал-губернатор обильно уснащал отвратительными подробностями, ничуть не заботясь о чувствах доньи Леокадии, которая, не переставая, дрожала и крестилась во время этого жуткого повествования.

Потрясение, испытанное Бладом, узнавшим, что подобные мерзости приписываются ему и его людям, вскоре вытеснил интерес, пробужденный сообщением, что на борту этих кораблей хранится серебра на двести тысяч фунтов, не говоря уже о перце и пряностях почти на такую же сумму.

– Вы представляете себе, какое сокровище могло попасть в руки этого дьявола Блада! Слава богу, что галионам удалось не только ускользнуть из Картахены, но и спастись от дальнейшего преследования!

– А вы уверены, что это дело рук капитана Блада? – осведомился гость.

– В этом нет никакого сомнения. Кто бы еще осмелился на такое? Дайте мне только поймать его, и, клянусь, я сдеру с него кожу и сделаю из нее себе пару сапог!

– Себастьян, любовь моя! – вздрогнула донья Леокадия. – Как ты можешь говорить такие ужасные вещи!

– Дайте мне только поймать его!.. – свирепо повторил дон Себастьян.

– Капитан Блад, возможно, находится гораздо ближе, чем вы предполагаете, – любезно улыбнулся дон Педро. – Поэтому в вашем желании нет ничего неосуществимого.

– Молю Бога, чтобы это было так. – И генерал-губернатор самодовольно покрутил ус.

После обеда гость церемонно откланялся, сославшись на необходимость представить доклад адмиралу. Однако на следующее утро дон Педро явился снова, и как только лодка, доставившая его на берег, вернулась назад, белый флагманский корабль снялся с якоря и начал поднимать паруса. Подгоняемый свежеем бризом, слегка рябившим освещенную солнцем фиолетовую гладь моря, галион неторопливо двигался на восток, вдоль полуострова, на котором был расположен Сан-Хуан.

Вчерашний вечер Блад потратил на занятия каллиграфией, пользуясь при этом адмиральским несессером с письменными принадлежностями, где хранились печать маркиза и листы пергамента, увенчанные испанским гербом. Результатом этой деятельности явился внушительный документ, который Блад положил перед доном Себастьяном, дав ему соответствующие объяснения.

– Ваша уверенность в том, что капитан Блад находится в этих водах, навела адмирала на мысль поохотиться за ним. Его превосходительство велел мне оставаться здесь в его отсутствие.

Генерал-губернатор внимательно изучил пергамент, украшенный красной печатью с гербом маркиза Риконете. В послании дону Себастьяну предписывалось передать дону Педро Энкарнадо командование всеми вооруженными силами Сан-Хуан-де-Пуэрто-Рико, фортом Санто-Антонио и его гарнизоном.

Вряд ли следовало ожидать, что дон Себастьян безропотно подчинится этому распоряжению. Прочитав письмо, он нахмурился и надул толстые губы.

– Не понимаю, – заявил губернатор. – Полковник Варгас, командующий фортом под моим руководством, опытный и знающий офицер. Кроме того, – внезапно ошетинился он, – я считал, что назначение офицеров входит в мои обязанности как генерал-губернатора Пуэрто-Рико.

Но капитан Блад не был расположен ссориться.

⁹ Сукины сыны (*исп.*).

– Должен сознаться, дон Себастьян, на вашем месте – только это между нами – я бы чувствовал то же самое. Но необходимо иметь терпение. В конце концов, ведь адмиралом движет забота о безопасности кораблей с ценностями.

– Но я полагаю, что забота об их безопасности в Сан-Хуане – мое дело. Разве я не являюсь представителем короля в Пуэрто-Рико? Пусть адмирал распоряжается на море, как хочет, но на суше...

Капитан Блад прервал его, фамильярно положив ему руку на плечо.

– Мой дорогой дон Себастьян, – заговорил он, доверительно понизив голос, – вам ли не знать причуды королевских фаворитов!

– Королевских... – Дон Себастьян с трудом подавил раздражение. – Я никогда не слышал, что маркиз Риконете – королевский фаворит.

– Любимец его величества. Это, конечно, между нами. Отсюда вся его бесцеремонность. Должен сознаться, что он злоупотребляет привязанностью короля. Вы же знаете, как кружит голову королевская милость, – Блад сделал паузу и вздохнул. – Мне очень неприятно быть орудием в этом покушении на ваши права. Но я так же беспомощен, как и вы, друг мой.

Этот монолог дал понять генерал-губернатору, что дальнейшие препирательства не повлекут за собой ничего хорошего.

Справившись с возмущением, вызванным посягательством на его власть, дон Себастьян уступил настояниям капитана Блада, утешая себя мыслью, что он по крайней мере перекладывает всю ответственность за последующие события на плечи адмирала.

В этот день, как и в два последующих, Питеру Бладу пришлось приложить весь свой такт, улаживая административные вопросы с генерал-губернатором и с полковником Варгасом, который был возмущен покушением на его должность. Но, увидев, что новый комендант не собирается вмешиваться в его воинские мероприятия, полковник частично смирился с его присутствием. Тем более что, тщательно обследовав вооружение, гарнизон и боеприпасы форта, дон Педро высоко отозвался о его боеспособности и великодушно заметил, что все действия полковника заслуживают всяческой похвалы.

Дон Педро высадился на берег, чтобы принять командование в первую пятницу июня. В воскресенье утром во двор особняка генерал-губернатора ворвался молодой офицер на истощенной взмыленной лошади. Он привез дону Себастьяну, завтракавшему вместе со своей женой и временным комендантом, тревожные известия о том, что какой-то отлично вооруженный, очевидно, пиратский корабль, не имеющий флага, напал на Сан-Патрико, находящийся в пятидесяти милях от Сан-Хуана. Он начал бомбардировать поселок, правда, не причинив ему вреда, не осмеливаясь войти в зону досягаемости пушек форта. К сожалению, боеприпасы в форте на исходе, и там нет достаточного количества людей, чтобы воспрепятствовать высадке.

Изумление дона Себастьяна было так велико, что даже пересилило его тревогу.

– Какого дьявола понадобилось пиратам в Сан-Патрико? Ведь там ничего нет, кроме сахарного тростника и кукурузы.

– Думаю, что я могу ответить на этот вопрос, – сказал капитан Блад. – Сан-Патрико – это черный ход в Сан-Хуан, к кораблям с ценностями.

– Черный ход?

– Ну да. Пираты не осмелились предпринять прямую атаку на хорошо вооруженный форт Санто-Антонио; они надеются добраться сюда по суше из Сан-Патрико и напасть на вас с тыла.

Стратегический талант дона Педро произвел глубокое впечатление на генерал-губернатора.

– Клянусь всеми святыми, вы правы! – Дон Себастьян встал из-за стола, заявляя, что он сейчас же отдаст необходимые распоряжения, отпустил офицера отдохнуть и подкрепиться и послал курьера в форт вызвать полковника Варгаса.

Шагая взад-вперед по длинной комнате, защищенной шторами от лучей солнца, он возносил благодарности своему святому патрону за то, что, благодаря его, губернатора, предусмотрительности, форт отлично вооружен и они в состоянии послать в Сан-Патрико порох и ядра, чтобы удержать на расстоянии этих проклятых пиратов.

Робкий взгляд доньи Леокадии, смотревшей на своего супруга, устремился на нового коменданта, когда он заговорил, воспользовавшись передышкой доня Себастьяна.

– Очень может быть, сеньор, что брать боеприпасы из Санто-Антонио будет ошибкой. Они могут понадобиться нам самим. Ведь не исключено, что пираты изменят планы, поняв, что высадка в Сан-Патрико не так легка, как они предполагали. Или же вообще может оказаться ложным выпадом, предпринятым с целью отвлечь отсюда часть ваших вооруженных сил. – Блад знал, что последнее предположение соответствует действительности, так как оно согласуется с его распоряжениями.

Дон Себастьян тупо уставился на него, поглаживая украшенной перстнями рукой синеватую челюсть.

– Это очень возможно. Боже, помоги мне! – И потерявший голову генерал-губернатор полностью положился на изобретательность спокойного и находчивого нового коменданта, чье прибытие так оскорбило его вначале. Дон Педро моментально принял командование.

– На кораблях с ценностями я заметил множество боеприпасов. Там они совершенно бесполезны, а для оказания помощи Сан-Патрико их более чем достаточно. Мы возьмем оттуда не только порох и ядра, но и пушки и сразу же отправим их в Сан-Патрико.

– Вы намерены разоружить галионы с ценностями? – встревожился дон Себастьян.

– А какая нужда держать их вооруженными здесь, в гавани? Для защиты достаточно форта. – И Блад приступил к действиям. – Распорядитесь, пожалуйста, насчет волов и мулов, необходимых для перевозки боеприпасов. Теперь что касается людей. У вас есть двести тридцать человек в Санто-Антонио и сто двадцать на бортах галионов с ценностями. А сколько солдат в форте Сан-Патрико?

– Человек сорок-пятьдесят.

– Боже мой! А ведь если пираты намерены высадиться, то их там должно быть не менее четырехсот – пятисот человек. Значит, форт Сан-Патрико нуждается не только в оружии, но и в людях. Придется послать туда полковника Варгаса со ста пятьюдесятью солдатами из Санто-Антонио и пятьдесят человек с кораблей.

– И оставить Сан-Хуан беззащитным? – Пришедший в ужас дон Себастьян, не сдержавшись, добавил: – Вы с ума сошли?!

Но на лице капитана Блада оставалось выражение полной уверенности в своих силах.

– Вовсе нет. У нас остается форт с сотней пушек, половина которых обладает значительной мощностью. Ста человек более чем достаточно, чтобы обслужить их. А чтобы вы не думали, что я толкаю вас на риск, который не намерен с вами делить, я сам остаюсь здесь и буду командовать гарнизоном.

Пришедшего Варгаса, так же как и доня Себастьяна, ужаснуло предстоящее ослабление оборонной мощи Сан-Хуана. С презрением глядя на посланца адмирала, полковник не скрывал, что считает его невеждой в военном искусстве. Но новый комендант быстро сбил с него спесь.

– Если вы скажете мне, что мы можем противостоять высадке пиратов в Сан-Патрико, имея в своем распоряжении менее трехсот человек, значит, вы еще не окончательно освоили собственную профессию. И как бы то ни было, – добавил он, вставая и тем самым давая понять, что дискуссия окончена, – сейчас я имею честь здесь командовать, и вся ответственность ложится на меня.

Полковник Варгас сухо поклонился, закусив губу, а генерал-губернатор в который раз вознес про себя благодарственную молитву небесам за то, что у него есть адмиральский пер-

гамент, позволяющий ему свалить всю ответственность за возможные последствия этой авантюры на дона Педро.

Несмотря на колокольный звон собора, созывающий верующих на обедню, и на приближающийся полуденный зной, отряд под командованием полковника Варгаса выступил из Сан-Хуана, так как дело не терпело отлагательства. Полковник ехал во главе колонны, за ним следовал длинный поезд из мулов, нагруженных боеприпасами, и воловых упряжек, тянущих за собой пушки, направляясь по дороге, ведущей через холмистую равнину в Сан-Патрико.

III

Вы, конечно, догадались, что пиратское судно, угрожавшее Сан-Патрико, было не чем иным, как «Андалузской девчонкой», некогда служившей флагманским кораблем маркизу Риконете и посланной в Сан-Патрико по распоряжению капитана Блада. Командовавшему кораблем Волверстону было приказано обстреливать маленький жалкий форт в течение сорока восьми часов. По истечении этого срока «Андалузская девчонка» должна была тихо ускользнуть под покровом ночи до прибытия подкрепления из Сан-Хуана, которое к тому времени, несомненно, будет выслано, и, кончив игру, как можно скорее нанести настоящий удар по оставшемуся сравнительно беззащитным Сан-Хуану.

Гонцы из Сан-Патрико прибыли в понедельник. Их доклад дал Бладу понять, что Волверстон в точности выполняет его инструкцию. Сообщение гласило, что ответный огонь форта вынудил пиратов соблюдать дистанцию.

Новости ободрили генерал-губернатора, убежденного, что маркиз Риконете, чей корабль находится где-то по соседству, захватит пиратов на месте преступления и немедленно уничтожит их.

– Завтра, – говорил он, – Варгас прибудет в Сан-Патрико с подкреплением, и у пиратов не останется ни малейшего шанса на высадку.

Но завтрашние события были весьма далеки от ожидания дона Себастьяна. Вскоре после рассвета Сан-Хуан был разбужен грохотом пушек. Первой мыслью вскочившего с постели дона Себастьяна было, что это маркиз Риконете возвещает королевским салютом о своем возвращении. Однако непрекращающаяся канонада пробудила в нем опасения, которые перешли в ужас, когда он вышел на террасу и посмотрел в подозрную трубу на море.

Предположение капитана Блада, совершенно противоположное мыслям дона Себастьяна, было им сразу же отвергнуто. Даже если бы Волверстон покинул Сан-Патрико до полуночи, что было маловероятно, он никак бы не смог, идя против сильного западного ветра, добраться до Сан-Хуана меньше чем за двенадцать часов. Кроме того, Волверстон никогда бы не стал так игнорировать его распоряжения.

Полуодетый капитан Блад поспешил к дону Себастьяну, чтобы выяснить у него причину этой пальбы. Выйдя на террасу, он испугался едва ли не больше, чем генерал-губернатор, ибо находящийся в полумиле от берега корабль, чьи пушки бомбардировали порт, в точности походил на его «Арабеллу», оставленную им около месяца назад на Тортуге для кренгования.

Блад вспомнил рассказ о его вымышленном рейде на Картахену и задал себе вопрос: неужели Питт, Дайк и другие его друзья пиратствовали в его отсутствие, сопровождая свои действия чудовищными зверствами, подобно Моргану и Монбару? Он не мог в это поверить, и все же перед его глазами находилось его собственное судно, окутанное облаком дыма и обстреливающее бортовыми залпами форт, стены которого, несокрушимые на вид, были выстроены из простого кирпича, что Блад с удовольствием отметил во время своего обследования.

Стоявший поблизости генерал-губернатор, призывая всех святых и всех демонов ада, отчаянно проклинал этого дьявола во плоти, капитана Блада.

Между тем «дьявол во плоти» молча стоял рядом с доном Себастьяном, не обращая никакого внимания на его проклятия. Защищаясь ладонью от лучей утреннего солнца, он пристально изучал очертания красного корабля – от золоченого носа до высокой кормы. Это была «Арабелла» и в то же время не «Арабелла». Блад не видел конкретных различий, но чувствовал, что они есть.

В это время огромный корабль развернулся бортом, делая поворот оверштаг, и Бладу удалось заметить, что на нем на четыре пушки меньше, чем на «Арабелле».

– Это не капитан Блад, – заявил он.

– Не капитан Блад? Вы еще скажете, что я не Себастьян Мендес! Разве этот корабль не «Арабелла»?

– Это не «Арабелла».

Дон Себастьян, бросив на Блада презрительный взгляд, протянул ему подзорную трубу.

– Прочтите название на кормовом подзоре.

Блад приложил трубу к глазу. Корабль разворачивался, намереваясь ввести в действие орудия правого борта, и его корма находилась целиком в поле зрения. Прочитанное Бладом название «Арабелла», написанное золотыми буквами, вновь привело его в замешательство.

– Не понимаю, – сказал он. Но очередной залп, сокрушивший еще несколько тонн кирпичной кладки стен форта, заставил его умолкнуть. После этого пушки форта наконец заговорили. Их залпы были отнюдь не всегда меткими, но по крайней мере они вынудили нападающий корабль держаться на расстоянии.

– Слава тебе господи! Проснулись все-таки! – ядовито заметил дон Себастьян.

Блад удалился в поисках своих сапог, приказав перепуганным слугам оседлать ему коня.

Когда пять минут спустя, обутый, но все еще небрежно одетый капитан продевал ногу в стремя, генерал-губернатор накинулся на него.

– Это вы виноваты! – бушевал он. – Вы и ваш драгоценный адмирал! Ваши идиотские мероприятия сделали нас беспомощными! Но я надеюсь, что вы еще ответите за это!

– Я тоже на это надеюсь и думаю, что этот разбойник, кто бы он ни был, разделяет наши надежды, – процедил сквозь зубы капитан Блад, рассерженный не менее, чем дон Себастьян, хотя и выражающий свои чувства не столь громко, ибо он теперь на собственном опыте убедился, каково попадать в расставленную самим собой ловушку и какие чувства при этом испытываешь. Блад приложил столько усилий, чтобы разоружить Сан-Хуан, что в результате неизвестному пирату ничего не стоило украсть у него из-под носа добычу, за которой он охотился. Личность таинственного корсара все еще оставалась загадкой, но Блад сильно подозревал, что название «Арабелла» было не просто совпадением, и не сомневался, что хозяин этого красного корабля и есть виновник тех ужасов в Картахене, которые приписывались ему самому.

Как бы то ни было, теперь требовалось срочно сорвать планы этого незваного гостя. И по странной иронии судьбы Блад скакал во весь опор, чтобы организовать защиту испанского поселения от нападения пиратов, то есть пустился в предприятие, ставшее почти безнадежным благодаря его собственным стараниям.

Крепость он застал в совершенно отчаянном положении. Половина орудий уже вышла из строя, разбитая грудами камней. Из сотни людей, оставленных в гарнизоне, десять было убито, а тридцать – искалечено.

Остальные шестьдесят солдат были твердыми и решительными людьми – украшением испанской пехоты, – но их сковывала бездарность командующего фортом молодого офицера.

Капитан Блад появился как раз в тот момент, когда очередной бортовой залп снес ядров двадцать крепостной стены. Во дворе, задыхаясь от пыли и едкого порохового дыма, он сразу же набросился на офицера, который выбежал ему навстречу.

– Вы намерены торчать здесь до тех пор, пока не будете погребены под обломками вместе с вашими пушками?

Обозлившийся капитан Аранья выпятил грудь.

– В таком случае мы умрем на нашем посту, сеньор, расплачиваясь за ваши заблуждения.

– Это может сделать любой дурак. Но если бы у вас было столько же ума, сколько наглости, то вы бы постарались спасти несколько пушек. Они вскоре понадобятся. Оттащите двадцать пушек в это укрытие и оставьте их там. – И Блад указал на заросли красного перца, находящиеся на расстоянии полумили по направлению к городу. – Оставьте мне двенадцать человек, чтобы стрелять из пушек, а всех прочих забирайте с собой. И уберите раненых из этого опасного места. Когда доберетесь до рощи, пошлите за упряжками мулов, лошадей и волов для дальнейших перевозок. Зарядите орудия картечью. Шевелите мозгами и не теряйте времени. Кругом марш!

Хотя у капитана Аранья начисто отсутствовало воображение, у него по крайней мере хватало энергии на выполнение чужих замыслов. Подавленный властью нового коменданта и оценив здравомыслие предложенных им мер, он сразу же принялся за работу, в то время как Блад занялся батареей из десяти пушек, размещенных на южном крепостном валу и державших под обстрелом залив. Двенадцать солдат, пробужденных им от апатии и воодушевленных его презрением к опасности, выполняли его распоряжения спокойно и быстро.

Пиратский корабль, разрядив орудия правого борта, начал разворачиваться, чтобы привести в действие батарею левого борта. Используя передышку, Блад, рассчитав как можно точнее место, с которого корсары произведут следующий залп, переходил от пушки к пушке, собственноручно заряжая каждую. Едва он успел зарядить последнее орудие, как пираты, осуществив свой маневр, повернулись к крепости левым бортом. Выхватив из рук мушкетера брызжащий запальный фитиль, Блад немедленно выпалил по корсарскому судну. Если выстрел и не оправдал всех его надежд, все же он был достаточно метким. Бушприт корабля разнесло вдребезги. Вздвигнув, судно слегка накренилось, и в тот же момент прозвучал ответный залп пиратов. Но, вследствие крена, ядра пролетели над фортом, не причинив ему никакого вреда, и зарылись в землю далеко позади.

– Огонь! – скомандовал Блад, и тотчас грянул залп остальных девяти пушек.

Корма корсарского корабля представляла собой сомнительную мишень, и Блад почти не надеялся ни на что, кроме чисто морального эффекта. Но удача снова улыбнулась ему, и, хотя восемь зарядов угодили в воду, девятый точно нашел свою цель, врезавшись в полуют.

– Viva¹⁰, дон Педро! – воскликнули испанцы, сразу же воспрянув духом от первого, хотя и незначительного успеха, и, улыбаясь, бросились перезаряжать пушки.

Но теперь спешить было незачем. Пиратам требовалось убрать обломки бушприта, и прошел целый час, прежде чем они, горя жадой мести, возобновили военные действия, пойдя в крутой бейдевинд против бриза.

Во время этой передышки Аранье удалось дотащить орудия до рощи, находящейся в миле от форта. Блад мог отступить и присоединиться к нему. Но, осмелев после первых удач, он остался на месте, продолжая артиллерийскую дуэль. Однако на сей раз ядра батареи форта не достигали цели, а мощный бортовой залп орудий красного корабля проделал еще одну солидную брешь в крепостной стене. После этого, справедливо рассудив, что в форту осталось очень мало пушек, да и те сейчас не заряжены, пираты, взбешенные упорством испанцев, подошли ближе и, сделав поворот оверштаг, произвели очередной залп.

В результате этого раздался взрыв, заставивший дрогнуть даже дома в Сан-Хуане.

Блад почувствовал, что какая-то неведомая сила подняла его в воздух и с силой швырнула вниз. Полуоглушенный, он лежал на земле, вокруг него падал ливень каменных осколков, а стены форта с грохотом рухнули, превратившись в бесформенную груду развалин.

Выстрел пиратов взорвал пороховой склад, что привело к уничтожению форта.

¹⁰ Да здравствует (*исп.*).

Блад выкарабкался из-под обломков щебня и, откашливаясь от пыли, забившей горло, постарался оценить создавшуюся ситуацию. Во время падения он сильно ушиб бедро, но так как боль постепенно стихала, то там, очевидно, не было серьезных повреждений. Все еще не вполне пришедший в себя, Блад наконец смог подняться на ноги. Его дрожащие руки кровоточили, но кости были целы. Однако не многие так дешево отделались. Из двенадцати солдат, оставшихся с Бладом, только пятеро не пострадали от взрыва, шестой жалобно стонал, лежа со сломанным бедром, а седьмой тщетно пытался вправить вывихнутое плечо. Остальные пятеро погибли и были похоронены под развалинами.

Приведя в порядок парик, Блад с трудом собрался с мыслями и пришел к выводу, что больше незачем задерживаться на этой груде обломков, которая еще недавно была фортом. Пятерым уцелевшим солдатам он велел отнести двух раненых в рощу, и сам, шатаясь, поплелся вслед за ними. К тому времени, когда они добрались до убежища, пираты начали готовиться к высадке, которая должна была неизбежно последовать за уничтожением форта. На краю рощи Блад остановился, чтобы понаблюдать за их приготовлениями. Он видел, как корсары спустили пять шлюпок, которые переполненными направились к берегу, покуда красный корабль становился на якорь, прикрывая десант.

Медлить было нельзя. Блад вошел под прохладную зеленую тень, где его ожидал Аранья со своими людьми, и с радостью увидел, что пушки, о существовании которых пираты ничего не подозревали, установлены и заряжены картечью согласно его указаниям. Рассчитав, в каком месте корсары должны пристать к берегу, он велел нацелить туда орудия. В качестве мишени Блад наметил рыбацью лодку, лежащую вверх дном на берегу, в полкабельтове от воды.

– Мы подождем, пока эти собаки не окажутся на одной линии с лодкой, – объяснил он Аранье, – и тогда дадим им пропуск в ад. – Чтобы сократить время, оставшееся до этого долгожданного момента, Блад продолжал читать испанскому капитану лекцию на тему искусства ведения боевых действий.

– Теперь вы понимаете, какие преимущества можно извлечь из отклонения от школьных правил и привычных предрассудков. Покинув форт, который нельзя было спасти, и наскоро сымпровизировав новый, мы можем держать в руках этих головорезов. Вскоре вы увидите, как мы с ними расправимся и как наше поражение обернется победой.

У испанца не было сомнений, что все именно так и произойдет, если только не случится чего-нибудь непредвиденного. Поистине это утро оказалось весьма поучительным для капитана Араньи.

IV

Но без неприятностей не обошлось, и в этом был повинен дон Себастьян, который, к великому сожалению, не сидел сложа руки. Он не сомневался, что его долг как генерал-губернатора Пуэрто-Рико вооружить каждого жителя города, способного носить оружие. Не взяв на себя труд посоветоваться с доном Педро или хотя бы предупредить его о своих намерениях, дон Себастьян разместил эту созданную наспех армию из пятидесяти-шестидесяти человек в засаде под прикрытием белых домов, ярдах в ста от моря, готовясь бросить их против высаживающихся на берег пиратов. Таким образом он рассчитывал лишить корсарскую артиллерию возможности бомбардировать его так называемые вооруженные силы.

Однако тактика, которой так гордился генерал-губернатор, оказалась палкой о двух концах, так как она помешала действовать не только пиратским, но и испанским пушкам, спрятанным в роще. Прежде чем Блад смог открыть огонь, он с ужасом увидел отряд пуэрториканских горожан, с пронзительными воплями ринувшихся на корсаров. В следующий момент началась всеобщая свалка, в которой разобрать, где друзья, а где враги, было совершенно невозможно.

Но сумятица продолжалась недолго, так как ополченцы дона Себастьяна, разумеется, вынуждены были отступить перед взбешенными флибустьерами, несмотря на численный перевес почти вдвое. Крича и отстреливаясь, они скрылись в городе, оставив на песке несколько трупов.

Пока капитан Блад проклинал несвоевременное вмешательство дона Себастьяна, капитан Аранья рвался на помощь горожанам, но ему пришлось выслушать очередную лекцию.

– Сражения выигрываются не только благодаря героизму, но и с помощью тщательных расчетов, друг мой. На борту корабля пиратов по меньшей мере вдвое больше, чем на берегу, и теперь, в результате храбрости дона Себастьяна, они стали хозяевами положения. Если мы выступим сейчас, то на нас нападет с тыла следующий десантный отряд, и, таким образом, мы окажемся между двух огней. Поэтому нам лучше дождаться высадки следующей партии, уничтожить ее и тогда заняться мерзавцами, находящимися в городе.

Но ждать пришлось долго. В каждой из шлюпок, возвращающихся к кораблю, оставалось только по два гребца, и двигались они крайне медленно. Немало времени отняла и посадка следующего отряда, который добрался до берега почти через два часа.

К тому же на этот раз пиратам незачем было торопиться, так как все признаки указывали на то, что попытки Сан-Хуана обороняться пресечены в корне.

Спешки не последовало, даже когда кили корсарских шлюпок закрипели о песок. Пестрая толпа пиратов не торопясь вылезла на берег. Среди них были представители самых различных слоев общества: от настоящих флибустьеров в рубашках из хлопка и широких штанах из сыромятной кожи, с яркими, но грязными шарфами на голове до идалго в кружевных камзолах и шляпах. И те и другие были опоясаны патронташами и вооружены мушкетами и шпагами.

Командующий отрядом корсар в алом камзоле с грязными кружевными манжетами выстроил полсотни пиратов на берегу по военному образцу и, взмахнув шпагой, дал команду выступать.

Корсары маршировали сомкнутой колонной, громогласно вопя какую-то воинственную песню и с явным удовольствием смакуя непристойный текст. В это время сидящие в роще канониры, держа в руках запальные шнуры, не отрывали глаз от капитана Блада, который внимательно наблюдал за пиратами, подняв правую руку. Наконец колонна оказалась на одной линии с лодкой, служившей испанцам мишенью. Блад махнул рукой, и пять пушек выпалили одновременно.

Град картечи в момент уничтожил шагавших впереди корсаров, включая главаря в красном камзоле. Остальные от неожиданности застыли как вкопанные. Воспользовавшись их замешательством, Блад поспешил дважды повторить залп, в результате чего почти все пираты свалились на песок, кто корчась в судорогах, а кто – лежа неподвижно. Полдюжины человек, чудом оставшихся целыми и невредимыми, не осмеливаясь вернуться к пустовавшим лодкам, старались найти убежище в городе, ползя на животе, чтобы не попасть под очередной залп. Капитан Блад улыбнулся, увидев расширенные от восторга глаза капитана Араньи.

– Теперь мы можем выступать без всяких опасений, капитан, – заговорил Блад, продолжая пополнять воинское образование достойного испанского офицера, – так как мы обезопасили наш тыл от нападения. Как вы, должно быть, заметили, пираты весьма опрометчиво использовали для высадки все свои шлюпки. Так что оставшимся на корабле до берега не так-то легко добраться.

– Но у них есть пушки, – возразил Аранья. – Что, если они из мести откроют огонь по городу?

– В котором находится их первый десантный отряд во главе с капитаном? Маловероятно. Все же на всякий случай мы оставим двадцать человек здесь, около пушек. Если пираты на корабле, отчаявшись, потеряют голову, то залпа два быстро приведут их в чувства.

Выполнив распоряжение Блада, пятьдесят испанских мушкетеров, незаметно для пиратов, переживших уничтожение форта, беглым шагом направились по направлению к городу.

V

Пиратский капитан, чье имя не пережило его, был квалифицирован Бладом как самодовольный идиот, который, как и все дураки, слишком многое считал не требующим доказательств. Будь он немного поумнее, он взял бы на себя труд убедиться, что уничтоженные им солдаты форта и горожане-ополченцы составляют все вооруженные силы Сан-Хуана.

Непомерная алчность, несомненно, толкнула корсаров на эту безрассудную высадку. Капитан лже-«Арабеллы» казался Бладу похожим на бездарного вора, сгребаящего крошки во время пиршества. Имея под носом два корабля с сокровищами, за которыми они гнались из Картахены через все Карибское море, было непростительной тупостью не попытаться сразу же завладеть ими. Видя, что на галионах с ценностями не выстрелила ни одна пушка, этот болван должен был сообразить, что экипаж находится на берегу, а если он вовсе не был способен соображать, то можно было заглянуть в подзорную трубу, чтобы в этом убедиться.

Но рассуждения Блада были не совсем справедливы. Возможно, именно уверенность в том, что корабли пустуют и могут быть легко захвачены, побудила капитана позволить своим людям удовлетворить их ненасытную жадность разграблением города. К тому же города Новой Испании часто изобиловали сокровищами, а у губернатора могла храниться королевская казна.

Только такое искушение могло толкнуть пиратского капитана на грабеж Картахены, в то время как корабли с ценностями успели выйти в море. Очевидно, картахенская неудача не напомнила ему о пословице: «За двумя зайцами погонишься – ни одного не поймаешь», и в Сан-Хуане он применял те же сомнительные методы, сопровождая их такими же безобразиями, которыми он позорил в Картахене (в этом Блад был теперь твердо уверен) нагло присвоенное им имя прославленного вождя флибустьеров.

Я не стану утверждать, что действия капитана Блада не были результатом гнева на незваного гостя, пытавшегося выхватить у него из-под носа добычу, ради которой он столько трудился, но у меня нет ни малейшего сомнения, что его беспощадность была вызвана возмущением бессовестным самозванством в Картахене и подлостями, совершенными там от его имени. Пиратская карьера, навязанная ему судьбой, была сама по себе пятном на его репутации, и Блад не мог равнодушно смотреть, как невеста откуда взявшийся двойник вместе со своей бандой безжалостных мерзавцев творил гнусности, прикрываясь его именем.

Полный мрачной решимости и жажды справедливой мести, капитан Блад шагнул во главе маленькой колонны испанских мушкетеров, твердо намереваясь освободить город, захваченный и оскверненный его двойником. Звуки, которые они слышали, подойдя к городским воротам, подтвердили худшие предположения Блада об образе действий этих бандитов.

Корсарский капитан, ворвавшись в Сан-Хуан и убедившись, что сопротивление задумано окончательно, отдал город на разграбление своим людям, позволив им немного «поразвлекаться», прежде чем они перейдут к основной цели рейда – захвату в гавани кораблей с ценностями. Немедленно вся банда, укомплектованная из отбросов тюрем всех стран, разбилась на группы, которые ринулись в город, одержимые страстью разрушения, оставляя за собой убитых мирных жителей, изнасилованных женщин, ограбленные и сожженные дома.

Для себя лично капитан оставил самый лакомый кусок. Вместе с шестью головорезами он ворвался в дом генерал-губернатора, где скрылся дон Себастьян после разгрома его злополучного ополчения.

Захватив в плен дону Себастьяна и его хорошенькую супругу, объятую паническим ужасом, капитан велел своим провожатым заняться грабежом дома. Двоих он, однако, оставил при себе для помощи, которая понадобится ему при грабеже особого рода, коим он намеревался

заняться, пока остальные четверо бандитов будут расхищать имущество губернатора и превосходные вина, привезенные им из Испании.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.